

Ксения Драгунская

СЫРОЕЖКИ / КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

литературный сценарий художественного фильма

Главные роли

Человек

Аня

Амаранта

Роли

Лисапед

Мама Ани

Толя - Тормоз

Эпизоды

Родня Амаранты

Милиционеры

Тётка на крыльце

Прохожий парень

1.

Берег белый, бескрайний - берег озера, а озеро не замёрзло. Никого на берегу, потому что утро, вчера был Новый год, и на снегу – новогодний пёстрый сор, мандариновые корки, фантики, бутылки и обгоревшие петарды.

На ржавых, покривившихся качелях девочка сидит, качается медленно, потому что качели ей малы, и ноги в сапожках задевают за снег. Девочка смотрит на озеро и не замечает, что по снегу пробирается другая девочка. Идёт долго. Садится на соседние качели. Обе смотрят на озеро и качаются вразнобой.

Первая. Ты откуда?

Вторая. Приехала.

Первая. На Новый год?

Вторая. Нет.

Первая. С родителями?

Вторая. Так... Просто...

Помолчали. Качели скрипят.

Первая. Ну, что?

Вторая. Ничего.

Первая вытягивает руку из рукава. На запястье – кожаный шнурок с несколькими крупными, тёмно-прозрачными бусинами.

Первая. У тебя цело ещё?

Вторая тоже вытягивает руку. И у неё на запястье – такой же с бусинами шнурок.

Первая. А у меня порвалось однажды. На физре, прикинь? Когда в волейбол играли. Я – собирать. А все бегают, как эти... Руки мне оттоптали. Собрала.

Опять помолчали.

Первая. Что, совсем ничего?

Вторая. Угу.

Первая. Снится?

Вторая. Иногда.

Первая. И мне.

Берег белый, пустой, праздничный сор и озеро вдали. Новый год вчера.

2.

Лето. Утро.

Но уже поздно. Так бывает.

Окно кухни раскрыто в солнечный, щебечущий сад, на столе стынет завтрак.

- Аня! Аня!! Аня!!! – наслаждаясь растущим раздражением, зовёт женщина в шортах.

Откуда-то сверху слышится «счас», шлёпанье тапочек, шаги по лестнице, и в дверях кухни появляется лохматая, тёплая, утренняя девочка двенадцати лет. Улыбается.

- Доброе утро, - с выражением говорит мама.

- Доброе утро!

- Долго это будет продолжаться? Сколько можно валяться в постели?

Двенадцатый час...

- Там передача была про Австралию, - начинает рассказывать девочка.

– Представляешь, оказывается, толстые лори – они совсем не толстые. У них лапки с присосками, чтобы удобнее лазать, а когда они рождаются...

- Завтракать немедленно, - перебивает мама.

Девочка хочет сесть за стол, но мама спрашивает:

- А умыться не хочешь?

Умывшись, с мокрыми волосами, девочка принимается завтракать.

Ест омлет, размешивает сахар в чашке, думает о своём. Чай расплёскивается. Мама смотрит. Дочь – длинная, нескладная, ничуть не похожая на маму, совсем другая, не такая, не та, которую ждали.

- Аня, у тебя тапочки дырявые. Большой палец торчит.

Девочка шевелит большим пальцем, скидывает тапок.

- Они мне малы.

- Малы!... Опять малы!

«Сколько можно расти?» - с досадой думает мама.

- Между прочим, ты вчера сказала, что идёшь к Серовой, и что вы будете у неё, а вас там не было, - начинает докапываться она.

- Мы щенков смотреть ходили, - говорит девочка. – Там у одной девчонки с заводских дач спаньелиха ощенилась. Такие милые! Белые с пятнышками. Спят кучкой и пахнут так...

- Не ври, Аня, - мудрым, всезнающим и словно усталым от своего всезнания голосом говорит мама. – Не пытайся меня обмануть. Я твоя мать, твой самый близкий друг, я должна всё знать, и я всегда всё узнаю.

- Я не вру, - Аня растерялась и обиделась.

- Я-то знаю, что вы были под мостом. Знаю я эти ваши посиделочки.

- Почему, когда говоришь правду, никто не верит? – удивилась Аня.

- Не умничай. Ешь уже наконец. Другие девочки встают рано, делают зарядку, аккуратные, подтянутые. Вот Маша Тендрякова – с утра встанет, сделает зарядку, примет душ, оденется нарядно и идёт полоть огород. Или французским занимается. Что ты вздыхаешь?

- Так... Просто...

- Просто – это не ответ, дорогая моя. И не сутулься. Надо делать зарядку. Будешь стройная и красивая, как Маша Тендрякова. Как другие хорошие девочки. А если будешь поздно вставать и сутулиться – из тебя ничего не выйдет. Ешь, пожалуйста. Пойми, Аня, на тебя просто противно смотреть. Что ты там носом шмыгаешь? Кроме меня тебе никто не скажет правды. Только я. Потому что я, твоя мама, твой самый лучший и близкий друг. Ешь уже, в конце концов. Перестань хлюпать носом. Аня! Аня, ты куда?...

3.

Стараясь не плакать, даже если никто не видит - на задворки, изо всех сил стараясь дышать ровно, но воздух – утренний, вкусный, лесной – никак не проглатывается, комками застревает в горле, через дырку в заборе, до перекрестка, мимо водокачки, ещё чуть-чуть, и толкаешь висящую криво калитку, ветки шиповника и жасмина переплелись над лохматой тропинкой, одичавший сад, старый дом, тайное укрытие, приют, кров. Нет, в дом не надо, совсем ни к чему ступать на провалившийся пол веранды, там пахнет сырой темнотой из пустого проёма двери. Лучше вот так – по сосне, знакомые, верные толстые ветки, и на прогретый солнцем балкон, в чудесное, хромоногое кресло...

Забравшись с ногами в хромое кресло на балконе старого дома, Аня разрешает себе заплакать, но слышит звяканье ложечки в чашке. По комнате кто-то ходит.

Дядька!!!

В халате. Кофе пьёт и всё вокруг разглядывает. Аня встаёт с кресла от удивления. А дядька увидел ее и совсем не удивился. Улыбается и кланяется.

Дядька. Здравствуйте.

Аня молчит. Ей ещё никто так не кланялся. А дядька разговаривает с ней, как будто знает её давным давно.

Дядька. Кошмар, да? Полный разгром! Придётся, конечно, повозиться, да и денег надо... Тут одного бруса, по самым скромным подсчётам... Ладно, справлюсь! Слава Богу, не безрукий...

Аня. Вы что, здесь жить будете?

Дядька. Уже живу. Смешно, правда – у-жэ-жы-ву? Это по-французски, что ли?

Аня молча начинает уходить с балкона – берётся за ветку, перекидывает ногу через перила и оборачивается.

Аня. Вы кто вообще такой? Вы откуда взялись? Здесь никто не живёт! Это называется - Старый Дом. Сюда никто не приходит, кроме меня. Это моё место. На всякие случаи. Моё секретное место!

Дядька смотрит на лохматую девочку в пижаме и перестаёт прихлёбывать кофе. Аня заметила, что он заметил, что она плакала. А дядька говорит очень серьёзно.

Дядька. Послушайте. Извините, я не знал. Я честное слово, не знал. Но, понимаете... Можно, я тут поживу? Я тихо, и почию заодно... Понимаете... Просто... Мне сейчас больше некуда идти. Так вышло...

Дядька переводит дыхание.

Дядька. Вот и сказал. Самому себе сказать боялся, что мне идти некуда, а теперь вроде легче стало...

Аня (хмуро и после паузы). Ладно. Живите. Я понимаю.

Дядька. Правда? Спасибо! Я так и думал, что вы поймёте.

Аня разглядывает его.

Дядька. Ну, давайте завтракать, что ли? Вы в пижаме, я в халате, значит завтракать надо. У меня ватрушки, на станции купил.

Аня. Не хочу.

Дядька. Уже завтракали?

Аня. Да... нет... Не хочу.

Дядька. Что же?

Аня. Так...

Аня смотрит, как вкусно дядька ест, и тоже берёт ватрушку. Едят молча. Аня отряхивает руки и наскоро допивает чай.

Аня. Спасибо. Было жутко вкусно.

Дядька. Приходите ещё? Придёте? Беседовать будем. А то скучно одному...

Аня. Вы приехали на поезде?

Дядька. На автобусе, на поезде, на метро, на автобусе опять, на самолёте, на маршрутке, опять на метро, на поезде, потом на автобусе снова, ещё раз на поезде, и пешком через лес.

Аня. Значит, издалека?

Дядька. Угу.

Аня. И что у вас там, вдалеке? Кто вас оттуда выгнал? Почему вам некуда идти?

Дядька. Так... просто...

Аня (изумлена). Просто?!

Дядька. Да. Просто.

Аня. Понятно. А моя мама говорит, что просто – это не ответ.

Дядька. А маме своей передайте, что во время еды нельзя вести воспитательные беседы. Вредно для здоровья. Так считает старшая няня принца Нази Хашана и принцессы Аммо Нириенды.

Аня. А эта няня – она кто?

Дядька. Она - это я.

Аня. Ну да... Врёте?

Дядька. Почему, когда говоришь правду, тебе никто не верит?

Человек, приехавший последней «кукушкой», пересекший сосновый лес на закате, прошагавший по опустевшей, вечерней улице посёлка, тайком проникший в заросший сад...

(Вот это надо или переставить после первой сцены на берегу, или вовсе упразднить).

Жизнь посёлка.

...Принимается за дела, жгёт тряпьё и рухлядь, за полночь сидит у костра, а наутро, кое-как починив старый, громоздкий, с выгнутой рамой велосипед, привозит белила, краски и валики. Человек белит стены и потолок...

И когда окна и пол вымыты до блеска, и в комнате пахнет краской, и садом, и чем-то хорошим, пахнет, что всё будет хорошо, человек осторожно, босиком перешагивая пятна влаги на полу, приносит картину и прилаживает её на пустой белой стене.

А что там, на картине?

Непонятно.

Лесная сине-зелёная чаща, пронизанная солнечным светом, или море, или небо?...

5.

Девочка Аня заглядывает в дверной проём, и видит, как человек ставит на пол большую глиняную вазу с цветами, словно дарит картине цветы, и склоняет голову, кланяясь непонятной картине, и долго стоит, опустив голову, и молчит.

Аня тихо-тихо смотрит на него. Человек оборачивается и спрашивает рассеянно и хмуро:

- Девочка, тебе кого?

6.

В саду развешена по веревкам старая одежда. Аня идёт по лохматой тропинке сада.

Человек догоняет её.

- Пойдите! Послушайте! Я же вас ждал, что вы чай пить придёте...

Человек обгоняет Аню и садится перед ней на корточки.

- Я просто задумался... И не сообразил... Это со мной бывает, не сердитесь... Ну вы же тоже иногда задумываетесь... Простите меня, пожалуйста.

Аня смотрит на него. Странно смотреть сверху вниз на дядьку, сидящего перед тобой на корточках, глядящего на тебя виновато и тревожно. А ещё у него маленький шрам на щеке, борода и бусы, кожаный

шнурок с крестиком, дырявая майка без рукавов, из-под майки торчит шерсть, как у всех дядек.

- Ну хотите, бороду мне выдерните. Жалко, конечно, растил, поливал, в зелёный цвет мечтал покрасить... – поднял бороду кверху и зажмурился.

В саду ветер, и странная одежда качается на верёвках. Чайка вскрикивает, пролетая над садом.

- Вы кто? Парень или дядька?

- Я-то?... – и задумался. Так и не решил. Пожал плечами и спросил: - Так что же – прощаете вы меня или нет?

- Ладно.

- Спасибо! – дядька пожал ей руку, взял за руку, чуть сжал и тут же отпустил. Горячие пальцы. – Я очень надеялся, что вы меня простите. Но всё же боялся – вдруг нет? – он выпрямился.

- А вы всех на «вы» называете?

- Нет, в общем-то. Привык просто, пока с принцами нянчился. Принцев же положено – на вы.

- Врёте? – спросила Аня.

- Почему? Точно, на «вы». Положено.

- Вообще, про принцев? Врёте?

- Нет, - он улыбнулся. – Я уже давно не вру. Раньше врал, а теперь нет. Я вам фотографию покажу. И шпага есть у меня.

- Шпага?

- Ну да. Наградная. Папенька их, король, шпагу пожаловал на прощанье, за добрую службу. Ох и намучился я с этой каркалькой, пока тащил... и смех и грех...

Аня смеётся.

7.

Вдвоём идут по улицам посёлка.

Аня рассказывает.

- Это водокачка, она уже старая. Её всё время чинить хотят, деньги собирают, а потом девают куда-то. Это клуб, только он сгорел. А жалко, дискотеки были. Теперь только в санатории дискотеки, у озера, по пятницам и субботам. Санаторий военные купили, там все сосны побелили. Это Саня-Лисапед. С велосипедом всё время потому что. Он дурак. То ли родился такой, то ли в армии побили. Вы его не бойтесь, он добрый. Его дачница одна наняла за десять рублей котят топить, так он их к себе домой принёс, в старой ушанке поселил, из пипетки выкармливал... Тут друзья у меня – Чика, Лиза с Егором. Дачники. С местными мне не разрешают. Они по вечерам под мостом собираются, курят, пиво пьют. Мама боится. Мне из местных только с Амарашкой разрешают. У них семья такая – никто не пьёт,

у тётки свой магазин , «ичп Серова». Она хорошая, Амарашка, только простая, как веник. С ней на танцах никто танцевать не хочет.

- Почему?

- А у неё бородавки. Уже чего только не перепробовали, и мази всякие, и заговоры, даже в Москву возили, в институт красоты, лазером прижигали, представляете? А они – опять. Тут я живу. Вон Толя в шезлонге загорает. Мамин бойфренд. Толя – страшный тормоз. Ну, я пойду? Мне ещё на скрипке заниматься надо.

8.

Анина мама с балкона смотрит, что Аня с кем-то разговаривает. Начинает беспокоиться. Придирчиво вглядывается – кто там?

9.

- А что маяк? – спросил человек. – Нашли?

- Какой маяк?

- Ууууууууу, - протянул человек. – Ты тут давно живёшь-то?

- Меня в пять месяцев первый раз привезли, - обиделась Аня.

– Я тут каждое лето живу.

- В детстве я тоже жил тут каждое лето, - сказал человек. – И мы всей гурьбой искали старый маяк, который остался после того, как море ушло.

- Какое море?

- Солёное. Цвета морской волны.

Аня не понимает.

- Раньше не этом месте, вместо лесов и болот и полей было море. Потом оно ушло. Осталось озеро. Озеро – часть бывшего моря.

Аня недоверчиво молчит.

- Ты думаешь, почему этот посёлок так называется?

- Кораблёво?

- По-настоящему не Кораблёво, а Корабелово. Да хоть бы и Кораблёво, всё равно ясно, что это про корабли. Потому что раньше, во времена моря, по берегам жили корабелы – те, кто строил корабли.

Аня молчит. Думает.

- Тут в каждом дворе, у всех – лодки. Почему?

- Так озеро же!

- Озеро – где? Под горой. А лодки у всех. Потому что люди знают, что здесь было море, и что оно ещё может вернуться. Только они никому не говорят об этом. Даже друг другу... В детстве мы искали старый маяк...

- Не нашли?

- Нет. Но теперь я буду искать.

- А можно, я тоже?

10.

Аня поднимается на крылечко своего дома. Мама выходит навстречу.

- Это кто? Ты с кем разговаривала?

- Зануда какой-то, - равнодушно и хмуро отвечает Аня.

- Как можно так говорить о взрослом человеке? – праведное негодование.

- А чего он пристал? Я фантик от жвачки выбросила, так он полчаса лекцию читал – о вреде жвачки и об охране природы.

- И правильно сделал! Наконец-то тут стали нормальные люди появляться.

Мама повернулась спиной, чтобы уходить, и Аня с удовольствием показала маминой спине язык.

11.

Вечер. Сумерки в саду. Горит свет на террасе. Человек пьёт чай. Пар от чашки с чаем. Человек листает толстую, большую книгу со старинными буквами. Надпись на обложке: «Кораблевождение и его астрономические особенности».

Шорох в саду. Человек вглядывается в тёмный сад.

Саня-Лисапед ходит по саду, деловито снимая с верёвок одежду.

- Уродились нынче свитера и рубашки... – сказал человек.

Саня испугался, кинул ворох одежды на землю, метнулся к дырке в заборе.

- Ничего, можно, - сказал человек. – Бери, если надо. Правда, бери...

Робко улыбаясь, Саня подбирал одежду.

- Ты, я вижу, парень хозяйственный, толковый, - похвалил человек. – Приходи ко мне помогать, дом чинить. Дел невпроворот, а одному несподручно.

12.

Утро. Туман от травы. Аня и человек идут на поиски старого маяка. Входят в мусорный, чахлый, истоптанный перелесок, переходят по досточкам ручей в овражке, поднимаются в гору, идут через поле... Прячутся под деревом от дождя...

13.

Толстый вязаный свитер до того велик Ане, что смотрится, как платье. Аня греет руки о большую глиняную чашку с чаем. Ходит по дому, разглядывает.

Кругом ремонт. Только в белой комнате порядок – пустота и цветы под непонятной зелёной картиной.

- А это что нарисовано?

- А что ты видишь?

- Море. Или нет – небо... Вообще-то, здорово похоже на лес. И на город, если отсюда смотреть...

Человек улыбается.

- И море, и небо, и лес... И город, и музыка... Точно! Человек, который картину эту нарисовал, очень всё это любил.

- Какой человек?

- Хороший очень. Сумасшедший. Смешной. Да нет его уже на свете... Ну, дружочек мой чудесный, прошу к столу. Славный сегодня денёк – новолуние, ветер юго-восточный, значит, бороду можно не пылесосить, а надо есть жареные креветки в банановом соусе. В таких маленьких приморских посёлках, как наш, неперменно надо есть жареных креветок, в тихую жаркую погоду. Итак, Анна! Мне было очень приятно начать поиски старого маяка не в одиночку, а с тобой. Ты молодец! Из тебя получится отличный путешественник и мореход. На память о нашем первом дне поисков я дарю тебе... Вот, смотри... Надеюсь, тебе понравится.

Человек положил перед Аней узкую бархатную коробочку.

Аня открыла. В коробочке – ажурные перчатки с перламутровыми пуговками и такой же веер.

- Откуда у тебя это? – спросила Аня.

- Это уже у тебя, а не у меня.

Аня надела перчатки.

- Ура, подошло, подошло! – человек засмеялся от радости и захлопал в ладоши.

- Ты вообще откуда взялся? – спросила Аня, глядя то на свои руки в перчатках, то на веер, то на человека.

Он не ответил.

- Я таких, как ты, ещё никогда не видела. Ты совсем не такой, как все взрослые... – и, не умея сдержать счастливой и нежной улыбки:
- Ты такой хороший...

Человек опечалился.

- Я плохой, - серьёзно сказал он. – Я очень плохой.

14.

Саня Лисапед помогает человеку по хозяйству. Вдвоём пилят на станке доски, и белые стружки летят. Вдвоём молча едят картошку в мундирах, запивают молоком.

15.

Под мостом через узкую речку сидит Аня с подружкой Амарантой – коренастой девочкой с грубоватым лицом.

Амаранта смотрит на свои ладони. Потом на тыльные стороны.

- Проходят? Проходят, правда же?

- Ну да, в общем-то, - нерешительно говорит Аня. – Ты мазь-то мажешь, которую у экстрасенса купили?

- Мажу, - уныло сказала Амаранта.

- Ты лягушек в руки не брала? Говорят, от лягушек бородавки бывают.

- Говорят ещё, бородавки у тех вырастают, кто письку трогает, - поделилась Амаранта.

- Да? – Аня испугалась. – А ты что, трогаешь?

- Да нет, - неуверенно сказала девочка.

- Пошли? – Аня встала. – Мне до семи разрешили.

Они вышли из под моста на дорогу.

Навстречу Саня-Лисапед идёт, велосипед катит, улыбается девочкам приветливо. На Сане – отличная лайковая куртка.

16.

Аня в гостях в старом доме.

- А откуда у Лисапеда такая куртка?

- Я подарил.

- Ничего себе...

- Грустно мне было, вот и подарил. Когда грустно, надо кому-нибудь что-нибудь подарить.

- А почему тебе было грустно?

- Если честно, мне было грустно из-за неё, - человек кивнул на зелёную картину.

- Из-за картины?

- Из-за той, которая её нарисовала.

- Потому что она умерла?

- Потому что я её сильно любил.

- А она тебя – нет?

- И она меня любила. А ещё я её мучил. И она меня мучила.

- Зачем мучить, если любишь?

- Это бывает у взрослых. Взрослая глупость. Любили и мучили. Господи... Теперь вот нет её больше...

Он умолкает, и лицо у него такое безутешное, такое угасшее, что Аня робко, едва касаясь, гладит его по голове. Не глядя на Аню, он берёт её за руки, в её ладонях прячет свои глаза и молчит. Поднимает голову, и уже не так грустно глядит, даже улыбается.

- Как хорошо, что ты есть на свете. Ты бы с ней подружилась.

- А она была какая?

- Какая... Ну вот если на картину смотреть умеючи, то можно увидеть её...

17.

Аня и Амаранта опять под мостом. Амаранта улыбается таинственно.

- Ты что вчера на дискотеке не была?

- Не пустили, - говорит Аня. – А что?

- Ты что!

- Нет, правда?

Помолчав, Амаранта говорит:

- Меня Колька Лутников на медляк пригласил.

- Да ты что?! Сам?

- Ну.

- И что?

- Танцевали. А потом он мне поклонился, и руку поцеловал.

Аня молча представляет себе услышанное. Потом спрашивает:

- Руку? А как же...

- Смотри! – Амаранта показывает Ане ладони. Они почти совсем чистые, без бородавок.

- Проходят! – радуется Аня. – Теперь точно проходят! Вот это да! Это мазь, что ли, подействовала?

Амаранта опять улыбается таинственно и говорит:

- Только никому, ладно? Короче, недели две назад... Стою в тёткином магазине. Потому что Алка-продавщица отошла и меня попросила пять минут постоять. А там мелких каких-то за харчами прислали, они считать толком не умеют, всё путают, просят чупа-чупсов на сдачу, а денег не хватает. Рожи такие жалобные. Мне вообще мелкоту всегда жалко. Ну, дала я им чупа-чупсы, а деньги тут же свои из кармана достала, и на кассу положила. Тут мужик какой-то неместный говорит: «Девушка, как хорошо, что ты добрая.» Девушкой меня назвал, прикинь? Стал за молоко расплачиваться, так быстро-быстро на мои руки посмотрел и говорит: «Вот за то что ты добрая, я тебе помогу, чтобы руки чистые стали. Приходи завтра с утра к озеру». Может, он маньяк какой? И попробовать охота – вдруг поможет? Короче, прихожу к озеру, а он уже там сидит, и руки вот так сложил. Складывай, говорит, ладони, как я, только не подглядывай. И что-то такое мне из своих ладоней в мои – пурск. Щекотное. Теперь, говорит, двенадцать раз повторяй: «Моря-Марина, забери у меня то, что злыми духами принесено». А потом раскрой ладони. Я двенадцать раз честно повторила, раскрыла ладони, а там знаешь, что было?

- Что?

- Бабочка! Шоколадница. Улетела она. Он говорит: Вот так от тебя всё и отлетит. И парнишка, который тебе нравится, скоро сам, типа, клинья начнёт подбивать. Только верить надо, и тогда обязательно сбудется. Вот... А ещё он мне подарил такие перчатки... Как в кино... Как у принцессы...

- Перчатки? – Аня вскочила на ноги. – А он где живёт?

- А тебе зачем?

- В старом доме, - уже не спросила, а ответила Аня.

- А ты откуда знаешь? – Амаранта насторожилась и тоже встала.

- Ты там была? – строго спросила Аня.

- А ты что, тоже была? – Амаранта готова драться.

- И он говорил тебе, что это счастье, что ты есть на свете? – чуть не плача, спросила Аня.

- Нет. А тебе говорил, значит?

Молча смотрят друг на друга.

- Правильно говорят, что все мужики – скоты, - кивнула Амаранта.

- Что же теперь делать? – спросила Аня. Даже не спросила, а просто подумала вслух. Что делать, как быть, как доверять?

Амаранта, как человек конкретный, сказала просто:

- Убить его надо.

- Как – убить?

- Пугнуть, хотя бы. Заставить, чтобы извинялся. Прощение чтобы просил. Ты теперь когда с ним встретишься?

- Завтра.

- Где?

18.

Человек сидел на толстом еловом бревне и, увидев Аню, поднялся к ней навстречу. Улыбается.

- Привет!

- Привет...

- Ты что такая... Что стряслось?

- Да ничего...

Человек видит, что Аня смотрит к нему за спину.

Оборачивается. Там стоит Амаранта и говорит:

- Руки!

- Что?

- Руки за спину.

- Извини, я не расслышал, - говорит человек и послушно убирает руки за спину.

Амаранта связывает ему руки.

- Девчонки, вы чего? – Человек смотрит на Аню. Аня не смотрит на него.

- Становись на колени, - приказывает Амаранта.

- Что стряслось-то?

- На колени становись.

Человек опускается на колени. Амаранта достаёт из рюкзака внушительный нож.

- Думаешь, с нами так можно? Думаешь, тебе за это ничего не будет? Зачем ты так? Зачем ты у неё про меня выпрашивал, а у меня – про неё? Шутил, что ли? Смеялся над нами, да? Думаешь, тебе за это ничего не будет? А вот это видел? Мы тебя сейчас убьём и в землю закопаем, понял? Проси прощения.

- Простите меня, пожалуйста, - говорит человек. – Я виноват. Просто я хотел, чтобы никто не обижался, я боялся, что вы ссориться начнёте, ревновать будете...

- Ты нам тут лапшу на уши не вешай. «Простите, пожалуйста»... Мы сейчас тебя убьём, не понял, что ли?

- Понял.

- Проси пощады, ясно? Ползи и целуй нам ноги...

Девочки отходят подальше и разуваяются. Мох и босые ступни. Человек передвигается на коленях по мху, его руки связаны сзади.

- Давай подойдём поближе, чтобы ему удобнее было ползти. Амаранта молча показывает фигу и стоит, скрестив руки на груди.

Человек приближается и смотрит на них снизу вверх.

- Пощадите, - говорит человек.

- Давай пощадим? – просит Анна.

- Пусть ноги целует, - хмурится Амаранта.

Человек прилаживается, устраивается так и этак, в конце концов ложится на землю и принимается целовать их ноги.

Девочки хихикают и переминаются с ноги на ногу – щекотно. Человек прилежно целует ступни и пальцы, лодыжки и круглые косточки. Девочки умолкают. И в лесу тихо. Человек долго целует ноги Амаранты и Ани.

Перестав целовать, человек смотрит вверх, на небо между деревьями. Бледное лицо и рыжая сосновая хвоя в бороде.

Человек поднимается на ноги и легко, одним движением плеч, освобождает связанные руки. Неспеша уходит, удаляется.

- А ещё поцелуй, - странным, осипшим голосом просит Амаранта. И Аня тоже: - Поцелуй, пожалуйста...

Человек не отвечает – уходит, не слышит. Или обиделся? Быстро темнеет в лесу.

Девчонки срываются с места, спешат за ним, зовут, догоняют, заглядывают в лицо.

- Обуйтесь, девочки, сыро, - устало и безразлично говорит человек, через плечо, не глядя на них, и они пугаются - какой он вдруг стал сутулый и старый, и лицо такое худое и грустное. Пугаются, что они сильно обидели его, и он больше никогда не будет рассказывать им истории, не пустит в дом, полный чудес...

Девчонки начинают ругаться, чуть ли не драться:

- Это всё ты, вечно из-за тебя...

- Нет, это ты!

- Дура!

- Сама дура чёртова тупая...

Обзываясь и бранясь, они бегут за ним.

- Ну подожди, ну пожалуйста, ну куда ты? Ну извини, ну прости, пожалуйста...

Человек останавливается, и они льнут к нему, а он обеими руками обеих обнимает:

- Эх вы, сыроежки...

Начинает накрапывать дождь.

19.

Дома у человека Аня и Амаранта сидят за красиво накрытым столом. Ужинают. Человек торжественно обносит их кушаньями, и объясняет, как их следует есть.

- Как же тебя по-настоящему зовут? – спрашивает он Амаранту.

- Так и зовут. Это из сериала. Когда я родилась, сериал показывали, «Дикая роза», вот меня и назвали. А что? Нормально.

- Как же тебя крестили?

- А меня и не крестил никто. Тётка не дала.

- Что за тётка?

- Моя родная тётка. Николавна. Она в тюрьму по малолетке попала – ларёк с пацанами грабанула. Говорит, попы – хуже ментов.

Человек усмехнулся. И тут же спросил деловито:

- У вас когда дни рожденья?

- Подарки дарить будешь?

- Можно и подарки. Говорите, когда.

- У меня двадцать восьмого января.

- А у меня – шестого октября.

- Гениально! – обрадовался человек. – Как мне с вами повезло! Вы не против, если на убывающую луну я вас немножко постригу?

- Мне дома бошку оторвут, - сообщила Амаранта.

- И мне.

- Я чуть-чуть, - попросил человек. – Это очень важно. Состриженные на убывающую луну волосы девочек двенадцати лет, родившихся под воздушными знаками, необходимы синим птицам. Для гнёзд.

- Совсем, что ли? – спросила Амаранта.

- Синих птиц не бывает, - сказала Аня.

- Бывают, - возразил человек. – Конечно, они не совсем синие, а такие... С зеленовато-лиловым отливом. Но называются синими. Сейчас их почти не осталось. Но они есть. Просто если им в гнёзда добавлять ваши волосы, им будет лучше. Вы можете спасти синих птиц.

- Умора, - сказала Амаранта, веселясь от души.

- А ты откуда это знаешь? – спросила Аня.

- Секрет гнездоплетения почти утрачен, - посетовал человек.

– Но мне рассказал об этом один старик-птицелов в Коста-Рико.

- Гнездоплетение! – веселилась Амаранта. – А зачем у тебя бусы? Типа – шняга? Типа – ты молодой?

- Бусы у меня типа бусы, - сказал человек. – А ношу я их, чтобы при мне всегда были. Бусы это непростые...

- Ну да?

- Расскажи! – попросила Аня.

- Они помочь могут. С ними спастись можно. Но только в самом крайнем случае.

- А когда будет крайний случай? – жадно спросила Амаранта.

- Да лучше бы никогда...

20.

Нагрузившись рейками и досками, человек медленно едет на велосипеде по посёлку.

21.

Анина мама наблюдает за ним в бинокль с балкона.

- Не может быть, - шепчет она. – Нет, нет... Показалось, конечно...

22.

Аня, Амаранта и человек выходят на поиски маяка. В резиновых сапогах, кепках, с рюкзаками. Идут берегом маленькой речки по рыжему песку, потом по траве.

Жарко.

Они купаются. Украдкой девочки поглядывают, какой серьёзный шрам у человека на животе.

Искупавшись, переходят шаткий мостик, входят в лес. Бродят по лесу.

Устраивают привал – едят огурцы с солью и пьют воду.

Дальше идут. Амаранта стирает ногу, и человек бережно оборачивает её пятку подорожником. Углубляются в чащу. Смотрят в глубокий овраг.

На обратной дороге человек несёт на руках увесистую Амаранту. Аня прыгает по кочкам, как воробей.

23.

Дома у человека девочки переоделись. Пили чай.

- Может, в книгах неправильно написано? – рассуждал человек. – Нет, не может быть... Я в двух книгах читал про этот маяк. В «Истории кораблекрушений» и в «Описании ушедших морей». Этот маяк упомянут. И широта совпадает, и долгота. За «Описаниями» я вообще по всему свету гонялся. В Портленде нашёл, да не у букиниста, а у пьянчуги какго-то на блошином рынке... Насилу со старофламандского перевёл...

- Не надоело? – спросила Амаранта.

- Переводить? – не понял человек.

- Врать не надоело? То принцы какие-то, то синие птицы, то маяк... Что мы тебе, грудные ?

- Да, - сказала Аня. – Ходим, ищем, а его всё нет. Его вообще что ли нет, да?

- Маяк есть, - сказал человек. – Только его найти трудно. Я предупреждал.

- Ага, - кивнула Амаранта. – Стоит, нас ждёт.

- Маяк есть, - повторил человек.

- А шпага, которую король подарил? А принц и принцесса?

- Есть, - сказал человек. – Честное слово.

- Спорим, врешь? – Амаранта подмигнула.

- Я дал вам честное слово, - серьёзно сказал человек. –

Впрочем, если хотите, давайте спорить.

- На что?

- На желание, - серьёзно сказал человек. – Если вы проигрываете, то делаете, что я скажу.

- Круто! – согласилась Амаранта.

- Пойдёмте наверх, - сказал человек.

24.

Он открыл дверь чердака. На чердаке – сломанное кресло с ручками в виде львиных голов, мутное зеркало, прочее старье, и железный кофр с цифровым замком.

Человек открыл замок и бережно вынул из кофра длинный бархатный футляр. Открыл.

Обомлевшие девчонки смотрели на шпагу в ножнах, усыпанных драгоценными камнями.

Человек вынул шпагу из ножен. На клинке – длинная надпись непонятными буквами.

Заперев кофр и чердак, человек мотнул головой в сторону комнаты с письменным столом. На столе – большой фотографический портрет. В парадном зале с причудливым гербом на стене стоят красиво наряженные негритянский мальчик и девочка в маленьких коронах, с родителями и человеком. Все улыбаются.

Человек пошёл по лестнице вниз. Девчонки поплелись за ним.

25.

- Ладно, - обиженно сказала Амаранта. – Продули, так продули. Говори своё желание.

- Раздевайтесь, - негромко приказал человек.

- Совсем, что ли? – девчонки захихикали и тут же умолкли испуганно.

- Раздевайтесь и на стол, - велел человек.

- Там же чай с кексом...

- Спор, барышни, дело серьёзное, - сказал человек.

- Не буду я! – заартачилась Амаранта.

Человек скучно пожал плечами. Он смотрел, как чужой. Чужими глазами. А потом отвернулся.

Аня полезла на стол. За ней и Амаранта. Аня в бриджах, Амаранта – в тесной миниюбке. Трудно раздеваться на столе, между чашками. Тишина, чашки звенят.

Аня уже испачкала бриджи вареньем. Амаранта с трудом вылезает из юбки.

- Амаранта! – позвал человек, и она вздрогнула. – Я обещал тебе, что бородавки пройдут?

- Да, - пискнула она.

- Разве я обманул? Я думал, вы мои друзья, а вы меня вруном считаете. Ведь я дал вам честное слово. По вашему, честное слово, это так, присказка? У каждого человека, особенно, если это мужчина, должно быть честное слово. Без него человек не человек и мужчина не мужчина. Запомните это, жалкие мартышки. Хватайте своё шмотье и убирайтесь вон. Побыстрее!

И стоял, отвернувшись к окну, скрестив руки на груди, пока Аня и Амаранта одевались и слезали со стола.

26.

Аня в своей комнате. Лежит на кровати, отвернувшись к стене. Водит пальцем по обоям – туда-сюда.

Мама заглядывает в комнату.

- У тебя, случайно, не температура?

- Нет...

Мама садится на кровать, трогает Анин лоб. Начинает говорить весёлым, добрым голосом.

- Хочешь, на озеро смотаемся? Поплаваем.

- Да нет...

- Тогда давай пироги печь? Позовём кого-нибудь?

Аня ведёт плечом.

- А знаешь, тут вчера баба Оля кроликов предлагала. Возьмём одного, а? Они милые. Такие пушистенькие-пушистенькие.

- Не хочется что-то, мама...

27.

Мама уходит. Аня встаёт и подходит к окну, смотрит в сад со второго этажа. Серое утро. Собираясь отойти от окна, Аня замечает цветок колокольчик на карнизе. Аня смотрит вниз. Смотрит вверх – на небо.

Хочется на озеро, печь пироги, звать гостей, взять себе всех кроликов на свете...

28.

Человек в саду чинит старую лодку, и вроде не замечает, что девочка вошла в сад, стоит в стороне, смотрит на него. Человек молотком стучит. Когда перестает, Аня просит:

- Постриги меня, пожалуйста.

- Зачем? – спрашивает человек не глядя на неё, сквозь зубы, потому что гвозди в зубах.

- Чтобы птицам, которые синие, чтобы гнёзда...

- Синих птиц не бывает.

- Бывают, - говорит Аня. – Точно, бывают... Просто...

Взрослые часто врут, если им от этого польза. А ты – нет...

Человек примеряет к лодке свежеструганную жёлтую досточку, отмечает простым карандашом.

- Это ты ночью колокольчик мне на окно положил? Ты, ты... Я ещё думаю – как же это до второго этажа добраться можно? Значит, точно ты. Ты всё можешь.

- Я вас не понимаю, - говорит человек. – Какое окно, какой колокольчик? С какой стати я, взрослый человек, буду скакать по ночам, в окна лазить...

Человек говорит серьёзно, даже хмурится, а глаза – смеются, сияют.

Аня бросается к человеку, обнимает изо всех сил. И он её обнимает.

- Ты прощаешь? Не сердись больше? – радуется Аня.

- Я хотел было подольше обижаться, но так соскучился, что решил мириться скорей...

29.

Мама Ани перебирает альбомы и рассыпавшиеся фотографии. Находит одну.

На фотографии – венчание. Человек - совсем молодой, борода поменьше, и девушка в белом платье и фате - стоят витыми венчальными свечами в руках. Над человеком держит венец, вытянув руку, невысокий юноша. Над девушкой держит венец Анина мама в белом платочке.

Мама молча, с ужасом смотрит на фотографию.

- Что-то невероятное, - бормочет она. – Потрясающе...

30.

В пустой белой комнате с зелёной картиной на стене стоит Аня, закутанная с ног до головы в ткань с птицами и цветами. Человек раскладывает на подоконнике ножницы и расчёски. Расчёсывает анины волосы. Смотрит на картину и говорит:

- Вот, Еленушка, ты уж присматривай, хорошо ли я Анну стригу.

Анины волосы падают на подстеленную материю. Аня прямо, неотрывно, даже взыскательно смотрит на картину, словно требуя ответа на важный вопрос.

Смотрит, не мигая. Солнечный луч касается картины.

И вот из зеленоватого сумрака на миг проглядывает лицо девушки с венчальной фотографии. Она ласково улыбается Ане, и исчезает снова.

31.

Аня – остриженная, изменившаяся, словно мигом ставшая взрослей, выше и тоньше – стоит на кухне. Мама говорит речь. Толя-тормоз листает журнал в углу.

- Я знаю, кто тебя стриг. Я всё знаю. Запомни, Аня. Это ужасный человек. Если ты будешь продолжать общаться с ним, то я не знаю... Пеняй на себя. Пеняй на себя, Аня. Это говорит тебе твоя мама, твой самый близкий и лучший друг. Не вздумай, Аня. Ишь, нашла себе приятеля. По лесам они, видишь ли, разгуливают! Природу наблюдают! Рассказы путешественника слушают! Ничего себе! Упаси тебя Бог. Помнишь тетю Лену? Мою подругу?

- Пьяницу? Которая у нас на кухне спала?

- Так вот, раньше она была совсем не пьяница, а красавица. Да. Это всё он виноват. Он, чтоб ты знала. Из-за него она стала пьяницей, сошла с ума и умерла. А ему плевать... Сам в могилу свёл, так ещё и на похороны явился... Всё нипочём!

- Нет, ему не плевать. Он её до сих пор любит. У него портрет есть, он с портретом разговаривает. Каждое утро здоровается. Он сам чуть не умер, когда она умерла. Он смерть искал, на войне был, его ранило сильно, а он выжил. У него след от раны есть, шрам – вот здесь, знаешь, страшный какой?

- Где у него шрам?! – задыхнулась мама. – Где?! Ах ты... – истерическое бешенство. Тормоз Толя двинулся поглубже в угол. - Вон отсюда! Марш в свою комнату! Где ключ?! Будешь сидеть под замком... Под замком... Только попробуй выйти! Пощады не жди...

32.

Следующий день. Аня взаперти.

Дверь приоткрывается, на пол ставится тарелка с завтраком и чашка. Дверь закрывается на ключ. Шаги по лестнице – вниз.

Часы тикают.

Аня смотрит на часы и дёргает дверь. Смотрит в раскрытое окно. Мечется по комнате. Опять к окну. Снимает кеды и выбрасывает в окно. Всклакивает на подоконник и прыгает.

Стукнувшись о сырую траву, Аня бежит в лес, в истоптанный перелесок, по раскисшей от дождя дороге. После дождя туман. На чёрном бревне сидит человек, курит. Поднимается Аня навстречу. Аня не может выговорить ни слова. Дыхание вырывается из неё со стоном.

- Ты что? – пугается он. – Что с тобой?

- Меня заперли, - задыхается Аня. – А я... боялась... Ты будешь ждать... Уйдёшь... Не встретимся больше...

- Куда я уйду? Как – не встретимся? Что ты такое говоришь? – удивляется он. – Никуда я не денусь. И ждать буду. Сколько нужно. Я всегда буду ждать тебя.

Аня успокаивается.

- Смотри, гнездо, - человек показывает вверх.

- Где?

- Да вон.

- Не вижу что-то.

Человек легко берёт Аню на руки и поднимает. Аня видит гнездо в ветках, близко-близко, и говорит шёпотом:

- Птенцы. Шесть. Спят.

Человек и Аня смотрят друг на друга.

- Давай всегда так ходить? – предлагает человек. – Ты мне будешь рассказывать, что ты видишь с высоты. И в волейбол выигрывать можно.

Аня смеётся.

- С тобой смешно. Мне вообще с тобой очень здорово.

- И мне с тобой. Как бы я жил, если бы тебя не встретил?...

Ты мой самый любимый человек на земле, - просто говорит он.

- Значит, когда я вырасту, мы поженимся?

- Боюсь, что нет.

- Но ведь любимые люди должны обычно женятся друг на друге.

- Необязательно. Чаще всего они даже почти совсем не видятся.

- У тебя всегда всё грустно.

- Зато честно.

33.

Анина мама с ключом в руках поднимается по лестнице. Говорит торжественно под дверью.

- Хорошо, так и быть. Я разрешаю тебе спуститься на кухню и поужинать. Конечно, я могла бы этого и не разрешать, но я разрешаю. Потому что я твоя мама. Твой самый лучший друг.

Отпирает дверь и оглядывает пустую комнату. Выражение строгости и достоинства на её лице сменяется полной растерянностью, обескураженностью. Она подходит к распахнутому окну. Долго смотрит в окно.

34.

Доски и стружки, запах смолы. Циркулярная пила. Человек чинит дом.

Анина мама и Толя-тормоз приходят к нему для серьёзного разговора. Некоторое время взрослые ждут, что человек обратит на них внимание.

А он не обращает. Занят. Ходит себе с досками, пилит. Анина мама начинает решительный наезд. Говорит трагически. Попеременно слышны то речи Аниной мамы, то песни циркулярной пилы.

- Чего вы хотите? Мы готовы на всё, только верните нам нашего ребёнка... Ведь она же на себя не похожа по вашей милости, просто зомби какая-то... Что вы с ней сделали? Почему она прыгает со второго этажа, чтобы встретиться с вами?

Толя-тормоз меланхолично и пристально разглядывает стены дома, доски и гвозди.

Циркулярная пила.

- Бросьте ваши дешёвые фокусы, рассчитанные на маленьких детей. Неудачник! Жалкий неудачник... Поп-расстрига...

Циркулярная пила.

- Между прочим, нам кое-что про вас известно. Да. У вас проблемы. Думаете, мы не знаем, чем вы подрабатывали там, в дальних странах? Но вам даже это толком не удавалось...

- Так это были вы? – вдруг радостно спросил человек. – Ну да, ну да, припоминаю, кафе на площади святого Фомы, там ещё наискосок такой магазин, дешёвые пальто, потому что бракованные, перекособоченные... Магазин кривых пальто... Ну да, кафе, потом комната на чердачке... Значит, это были вы...

Анина мама начала падать в обморок. Тормоз Толя разглядывал стены. Анина мама увидела, что никто не обращает внимания на обморок, и просто села на скамейку.

- Какого чёрта вы сюда приехали? – с ясной ненавистью спросила она. – Что вам там не сиделось, у ваших принцев и принцесс? Кстати, в этой стране уже восемь лет как республика. Вы бы хоть в энциклопедию заглядывали, прежде чем плести ваши бредни. Было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы исчезли так же внезапно, как и появились. Мы были бы вам очень признательны.

- В тысяча восемьсот... - мирно и неспешно начал человек и умолк, припоминая, в каком именно году. Не припомнил и начал заново. - В тысяча восемьсот две звёздочки году, в конце марта, младший сын князя Налуцкого, своенравный и капризный мальчик, обидевшись на немца-гувернёра, ушёл гулять на озеро. Весной лёд хрупок. Надо ли говорить, что строптивый отрок угодил в полынью? И сгнуть бы ему в тёмной воде, и рыдать бы безутешному князю, но, на счастье, неподалёку сидел в своей лодочке известный в округе цыган-шорник Миха Чаглай. Спрашивается, зачем цыгану болтаться в лодке, вместо того чтобы уводить коней, дурачить обывателей или просто честно шить сёдла? Дело в том, что продвигаясь из

бессарабских степей на север, Миха завис в наших краях, очаровавшись озером, так как всю жизнь мечтал о море, стремился к нему, бредил им, и даже старших своих детей назвал Моря и Акиян. Всё свободное время Миха проводил в лодочке на озере, созерцая простор и гладь, и очень не любил, когда созерцанию мешал писк утопающей детворы. Миха вытащил маленького князя и принёс родителям. За спасение барского дитяти умилённый князь пожаловал Михе сто рублей серебром. На эти средства Миха решил дать старшим детям приличное русское воспитание. Акиян отправился в четырёхклассное, а Моря – в трёхклассное женские городские училища. Акиян, откликавшийся так же и на Акима, дослужился до начальника железнодорожной станции Львовка, что в пяти верстах от Епифаньевска. Был членом революционного кружка. Должен был бросить бомбу в губернатора, но цыганская кровь взяла своё – в день предполагаемого покушения неожиданно ушёл с табором. Вы Кривой Овражек на выезде из Епифаньевска знаете? Туда Акиян бомбу выбросил, чтобы в кармане не мешалась. Вот овражек и сделался. А раньше гладкое место было. Красавица-певунья Моря, она же Марина, вышла замуж за владельца колбасных заводов, купца второй гильдии Собачатинова. Такова, вкратце, предыстория известного в окрестностях рода Чаглаевых и Собачатиновых, в котором было много достойнейших и замечательных людей. Чего стоит, хотя бы, моя двоюродная прабабушка, Настасья Акияновна, первая привезшая в Епифаньевск граммофон? У неё был парк конки в Туле, но накануне революции она проиграла его в городки и смело влилась в ряды неунывающего пролетариата. Её внук, мой дядя, академик сельхозакадемии, был бессменным председателем колхоза-миллионера в Орловской области, пока в засушливом и неурожайном семьдесят втором году колхозники не зарезали своего председателя, ошибочно полагая его колдуном. Как вы видите, постепенно наша родня разбрелась по стране, покинула родные приозёрные места. Именно поэтому перед войной мой дед, адмирал Чаглаев, купил в посёлке Кораблёво деревенский дом под дачу, чтобы хотя бы отчасти потомки Чаглаевых и Собачатиновых вернулся в родные края. В этом доме прошла юность моей матери. К сожалению, пока я путешествовал, дом осиротел, обветшал... Во исполнение заветного желания покойной матушки, я вернулся, чтобы остаться здесь. Так что – здешний я. И бумаги на дом у меня в исправности. И никуда я отсюда не пойду. Уж извините.

- Ну это мы ещё посмотрим, цыганское отродье... – сказала на прощанье Анина мама.

Тормоз Толя потрогал стену и спросил:

- Это лак или морилка?

35.

Человек, Аня и Амаранта за столом на террасе. Человек чертит карту. Толстая книга «Полный курс кораблевождения с учётом его

астрономических подробностей» лежит рядом. И другая книга – «История примечательнейших кораблекрушений, мореходам в назидание». Человек говорит про юг и восток, про ветер и звёзды. Про море, ушедшее прочь, оставившее озеро на память о себе.

- Остаётся последнее место, где может стоять маяк, - говорит человек. – Когда я был маленький, туда проникнуть было невозможно, потому что на пути к этому месту находилась военная часть. Теперь её нет.

- Она заброшенная, - сказала Аня. – Раньше часовые стояли с автоматами, а теперь всё нараспашку.

- Пацаны часто туда лазают.

- И зря, - сказал человек. – Нечего там делать. И мы через эту военную часть не пойдём. Мы обогнём её с востока. Но для этого надо пройти через плохой лес.

- Какой плохой?

- Страшный, - коротко ответил человек. – Если боитесь, лучше не идите.

- Да ладно, - махнула рукой бывалая Амаранта. - Когда пойдём? Далеко ведь это...

- Пошли после обеда? Я как раз на скрипке позанимаюсь.

- На рассвете надо, - поправил человек.

- Меня не отпустят.

- Дура, что ли? – Амаранта удивилась. - Спрашивать собралась? Ты по-тихому...

- Значит, встречаемся у водокачки. Резиновые сапоги наденьте, и свитера тоже. А я термос с чаем возьму и бутерброды.

36.

Человек возился в саду и в сарае. Увидел, что анина мама пришла к нему одна, и перестал возиться. Сел за стол под сосной.

- Ну что? – спросила Анина мама.

И они посмотрели друг на друга. Анина мама села за стол напротив. Помолчали. Солнце садилось. Тепло. Где-то за деревьями, в санатории, начинались танцы, и слышалась музыка - издали она казалась красивой и задумчивой.

- Ты меня, конечно не помнишь, - начала анина мама.

- Почему? Помню я тебя прекрасно. Я всегда всё помню, - словно пожаловался человек.

- Если бы ты знал, до какого края дошла Елена после твоего исчезновения, - сказала анина мама и закурила, морщась – от дыма ли, от воспоминаний. – До какой нищеты, и физической и духовной. Иногда она по два-три дня жила у меня, и мы даже не разговаривали...

Человек положил руки на стол и щекой на стол лёг, отвернулся. Заскучал.

- И не потому, что она всё время или пила или бредила. Просто я не могла сдержать слёз, глядя на неё. И когда она уходила, исчезала, всегда под утро, на рассвете, в мороз или летом... Я становилась больна и разбита на несколько дней.

Помолчали опять.

- Ты понимаешь, что это всё ты? – негромко, как бы мимоходом спросила мама. – Ты знаешь, что с тебя спросится?

Человек не пошевелился.

- Негодяй, - также мимоходом и негромко сказала анина мама. Встала и забрала пачку сигарет со стола. – Будь ты проклят, подонок, - уходя, сказала она, и нервы не выдержали.

Застонав от ярости, она принялась колотить человека худыми острыми кулаками, таскать за волосы, терзать за одежду.

Он не противился, не пытался защищаться.

Устав, женщина заплакала, и человек обернулся к ней, глядел безумным, горячим от слёз взглядом.

Плакали вместе, держась друг за друга, обнявшись. Долго. Хорошо плакали. Потом умывались из железного рукомойника. Анина мама пригладила волосы, высморкалась в платочек и сказала:

- Уезжай отсюда, а?

Человек очень тихо ответил:

- Нет.

37.

Рассвело. Трое встретились у водокачки. Девочки стучат зубами. Человек укутывает их шальями. Пьют чай из термоса.

38.

Начинаются рассветные блуждания в туманных лесах и полях.

И опять – мусорный перелесок, ручей в овражке и поле. Трое идут через поле. По узкому мосту через мелкую бедную речку.

После поля – другой, дальний, менее вытоптаный лес. Стволы елей – лиловое, чёрное и зелёное. Бузина уже поспела – июль кончается.

Долго, долго поднимаются в гору. Выходят - поле опять. Большое. И лес темнеет вдаль. Они пересекают поле и входят в лес.

Лес мёртв. Болел ли он и умирал постепенно, или умер сразу – однажды уснул на закате и не проснулся? В лесу тишина – никого-ничего. Сухие ветки и коричневый мох. И отовсюду – из-за стволов, голых веток и поваленных брёвен – выглядывает ржавое железо. Обрезки труб, газовая плита

кверху ножками, остов автомобиля, исковерканное ржавое неизвестно что, экскаватор, протянувший ржавую клешню, и замерший.

Ржавой рухляди становится всё больше, она молча тарасится на путников, а они идут молча, не глядя друг на друга, боясь вскрикнуть от страха – ржавчина ждёт испуганного вскрика, чтобы ожить, обступить тесно, не выпустить никогда из мёртвого леса.

Впереди брезжит светлое.

39.

Это поле. Оно огромное. Такого они не видели ещё никогда. На поле – трава и цветы, и тропинка тоже травой заросла. Кончается поле обрывом, крутым откосом, оттуда очень далеко видно, и кажется, что ты на самом верху, а всё – внизу.

И на краю поля, у обрыва, стоит старый маяк. Обросший мохом понизу. Штукатурка потрескалась, облупилась, виден тёмный кирпич. Тяжёлая дверь приоткрыта, трое входят, и по железной винтовой лестнице прбираются на самый верх, где окна на все стороны света. Сквозь худую крышу видно светлое небо, там, в вышине, над полем, расцветает летний день.

В небе вскрикивает большая птица, и хлопает крыльями - от радости, что старый маяк найден, человек не обманул, и ушедшее море – правда.

Поднимается ветер...

40.

От ветра хлопает окно в доме. Сонная женщина в ночной рубашке шлёпает босиком по полу, закрывает окна. Осторожно, тихо открывает дверь в комнату. Заглядывает. Комната девчачья – с портретами певцов и мягкими игрушками. Женщина смотрит на кровать. Кровать не застлана и пуста.

41.

Родня Амаранты – коренастые, короткопалые, хозяйственные – закатывают банки на терраске, тесной от этих самых банок. Мама Ани – худая, высокая, с тонкой сигареткой в руке, заглядывает на терраску. Это вызывает переполох, амарантина родня принимается носить стулья и пепельницы, здороваются с аниной мамой, и, прежде чем протянуть руки, вытирает их о полотенца и фартуки.

Анина мама и Амарантина родня беседуют, договариваются о чём-то, согласно кивают.

42.

Анина мама стала добрая-предобрая.

- Послушайте, ребята, - сказала она за ужином. – А почему бы нам не поехать в Ферапонтов Посад? Ведь живём рядом, а ни разу не были. Прямо-таки стыдно. Всё, решено. В субботу утром встаём пораньше, и вперёд. Если понравится, заночуем в гостинице. Там такие музеи, памятники старины, да вообще весь город – музей под открытым небом...

- У меня в субботу вечером встреча с Тавризяном, - промямлил Толя.

- Сравнил – старинный город, упоминавшийся в летописях, и Жорик Тавризян... Подождёт Жорик, - отмахнулась мама. – А, Нюся? – весело спросила она. – Поехали? А то сидим на одном месте... Хочешь, Амаранту с собой возьмём?

- А можно? – удивилась Аня.

- Конечно! – мама удивилась, что Аня спрашивает, как будто всю жизнь ей всё разрешали. – То есть, я-то с удовольствием, а если её не отпустят, я попрошу. Толя, перестань смотреть в одну точку, пожалуйста. Надо машину вымыть хотя бы, колеса проверить...

43.

- А мы в Ферапонтов Посад едем! И Амаранту берём.

- Привет Ферапонту передавайте. Серьёзный был дядя – всю жизнь путников на дорогах убивал и грабил, а под старость одумался, все награбленные денежки пожертвовал на монастырь, и окончил дни свои схимником Ферапонтом.

- А про маяк нельзя никому говорить? – спросила Аня.

- Можно. Только не надо рассказывать, где он.

- Чтобы потом его опять кто-нибудь искал и нашёл?

- Найдет и будет знать, что море было.

- Что не наврал ты.

- Что я не наврал.

- Ну ладно, про море ещё ладно, мы маяк сами видели. А про синюю птицу?

- Давай её оставим на будущее лето. Если захочешь.

- А ты летом опять приедешь?

- А я и не уеду никуда. Я, дружок мой ненаглядный, уже приехал. Насовсем. Здесь буду зимовать. Сидеть, тебя вспоминать. Зимой

хорошо... Люблю зиму. Как только выпадет снег, тут же можно начинать ждать лета. Готовиться. Лодку, велосипед, ласты... Хорошо!

- Ты смешной такой! И вообще ужасно хороший. Только не говори, что ты плохой.

- Не буду.

44.

Днём человек сел с книгой, трубкой и чашкой чаю на террасе

Он зачитался, он читал давно, когда у ворот остановилась машина.

Он смотрел сквозь деревья.

Незнакомая тётка топталась у калитки. Вошла и пошла по лохматой тропинке, глядя прямо перед собой. Увидела его на террасе, остановилась. Смотрели друг на друга. Тётка робко улыбнулась и шагнула нерешительно, медленно. Он встал из-за стола. Тётка опять остановилась, и, когда он пошёл к ней навстречу, всхлипнула, кривя лицо:

- Один он у меня... Нанюхался чего или наглotalся, кто их поймёт... Лежит сам не свой... Может, посмотрите?

- Я не врач, - сказал он.

- Не врач, не врач, а знаете ведь, что чего. Люди говорят. Весь свет объездили, повидали всякого. Нам-то откуда знать? Отродясь такого не знали, что за напасть... «Скорую» разве дозовёшься, да и дело заведут... А что дело? Это всё чёрные, они погань эту возят, всегда найдут, как наших парней покалечить – не на войне, так дрянью всякой...

Он молчал.

- Что хоть делать-то с ним? Лежит, корчится...

- Не врач я, - повторил он.

- Один он у меня, поскрёбыш, поздненький, - заплакала тётка.

Он сказал:

- Пошли.

45.

Вышли за калитку, и машина тут же завелась. С облегчением завелась, с готовностью, словно потирая руки. Тётка открыла перед ним заднюю дверь.

Он видел, что поодаль по дороге едет Саня Лисапед с удочками, с рыбалки. Саня помахал ему рукой. И он помахал в ответ. Никчёмное, старомодное, но непреодолимое чувство – гордость - помешало

ему окликнуть Саню, помешала просто не садиться в машину, отпрянуть, шагнуть назад, не поехать, позвать на помощь. Он сел на заднее сиденье, рядом с мужиком в кепке. Тётка села с другой стороны.

Выехали в поле.

Остановились у заброшенного коровника и старой, деревянной силосной башни.

Вышли. Молчали. Пасмурно и тепло.

- Я, главное дело, под утро захожу к Амарашке, глянуть, как спит дитё, хватъ – а кровать пустая! – вдруг тонко и быстро заговорила тётка.

Водитель курил, мужик в кепке молчал скучно.

- Это где ж видано, чтобы дитё двенадцатилетнее по ночам шалилось? – заводя себя, ещё тоньше и быстрее говорила она. – И ребёнка не пожалеет, кобель... Заморочил головы девчонкам... Им же в куклы играть, кобель несътый! – завопила тётка. - И законов-то теперь нету, чтобы простых людей защитить... Ну, ничего...

- Ладно, Николавна, - скучно сказал мужик в кепке. –

Прокуроров нам не надо.

- Не надо! – крикнула Николавна. – Мы сами – и суд, и закон...

- Говорили ему культурно, - припомнил мужик в кепке. – Не тронь девок, иди откуда пришёл?

Водитель курил.

- Послушайте, - сказал человек. – Во всём виноват я, я один. Не смейте подозревать детей, они чисты.

- Что ж ты с ними с двумя по ночам-то делал? – крикнула Николавна. – Задачки решал?

- Вы не поймёте, - сказал человек.

- Вот блядина, - с каким-то радостным изумлением сказал водитель и затушил папиросу.

46.

Прохожая собака, славно подзагостившаяся на свадьбе в деревне Дерибрюхино, и следующая теперь домой в распавшийся совхоз имени Луначарского, собака породы «среднерусская б-п», рыжесерая, ушастая, меховая, выдавшая виды, осторожная и живучая, наклоняется над лежащим неподвижно на примятой траве. Нюхает. Догадывается, что случилось. Скулит. Сочувствует. Лижет руку и щёку. Лижет долго – щёки и глаза. И человек разлепляет глаза. Собака радуется. Помахивает хвостом. Улыбается человеку – «Ничего, отлежишься... Это, брат, ещё ничего». Собака бежит дальше.

А человек осторожно пристраивает поудобнее полуживое тело на летней земле. Забывается...

Дерево роняет лист. Ветер приносит лист человеку, опускает на лицо, заслоняет глаза от света. Вечером человека будит дождь. Человек

стоит на четвереньках, выплёвывает чёрную кровь. Собирает бусины, далеко укатившиеся, рассыпавшиеся с разорванного шнура. Рвёт подорожник. Отползает в заброшенный хлев... Забывается снова...

47.

Когда человек очнулся, и сквозь худую крышу глядел в бледнеющие рассветные небеса, его дом уже догорел, ещё чуть алели старые брёвна, и в саду было жарко и мокро, и берёза и сосна, ближе всех стоящие к дому, наверное, умрут.

Он так и подумал – «наверно, умрут», когда стоял в саду, в стороне от пепелища, потому что если близко, то жарко. Потом он выбирал из карманов бусины, нанизывал на разорванный шнурок, соединял, повесил укоротившиеся бусы на сучок сосны и через сломанные запоздавшей пожарной машиной ворота ушёл из сада, а утро уже подступало, кукарекало и гремело ведром.

48.

День светлый, тёплый, и тёплый сильный ветер, лето только что началось, ещё всё лето впереди, Аня катит велосипед по лохматой тропинке, человек на террасе – читает, пьёт чай, и курит, как всегда. Увидел её, и тут же трубку отложил в пепельницу, идёт навстречу, улыбается, руки раскрыл. Обнимает. Рубашка пахнет табачком, сумраком его старого чудесного дома, и знакомый нательный крестик, нагретый его теплом, приятно прикасается к щеке. Аня хочет рассказать ему про всё, для этого надо набрать побольше воздуха, Аня вздыхает, а воздух не проглатывается, и начинают вздрагивать плечи. Человек обнимает её крепче, изо всех сил прижимает к себе, щекой льнёт к её волосам. Стоят молча, и тёплый сильный ветер. Аня уже может проглотить воздух, и говорит:

- Ты что... Тут без тебя такое было... Мы приехали – смотрим, твой дом сгорел, мы бусы на сосне нашли, а тебя нигде нет... Никто не говорит ничего... Амаранта к своим – где он? Они глаза прячут... Как она на них – с кулаками... И как заорёт, заплачет... Кошмар вообще, на весь посёлок слышно было... Стёкла побила, посуду, руки поранила, весь дом разнесла... А я... Со мной... Меня...

- Я знаю, - говорит он тихо. – Не надо, не вспоминай.
Человек целует Анины руки, в её ладонях прячет лицо, берёт её за руки:

- Я скоро вернусь...

- Когда? Разве ты ещё не насовсем?

- Не пугайся, я вернусь. Уже скоро, - говорит человек и отдалается от Ани – вот он уже у яблони, вот в углу сада. – Когда ты забудешь меня. В счастье, в горе и просто забудешь, трижды забудешь, тогда и вернусь... Скоро...

Его уже невидно за деревьями... Аня смотрит на свои пустые ладони.

49.

Две девочки на пустом белом берегу.

Опять молчали, только быстрее качались на качелях.

Вторая. Однажды приснился и сказал, что вернётся.

Первая. Когда?

Вторая. Когда я его забуду.

Первая. Но ты же не забудешь?

Вторая. Нет.

Первая. И я. Значит, он не вернётся?

Вторая. Он специально так сказал, что вернётся, когда я забуду, чтобы не говорить, что никогда не вернётся. Чтобы не расстраивать.

Первая. Понятно... Хорошо, что ты приехала...

Вторая. Я вообще-то скучала по тебе...

Они обнимаются порывисто, и Вторая выдыхает, прильнув щекой к дутой курточке Первой:

- Тяжело...

- Я тоже больше не могу... – признаётся та.

Они шепчутся о чём-то.

50.

На берегу появляется Саня Лисапед. Он собирает бутылки, катит велосипед по снегу. Видит девочек и приветливо машет рукой.

- Только этого чучела не хватало. Эй! (свистят). - А ну иди сюда.

Лисапед подходит к качелям, улыбается.

- Значит, так. Ты ужасно хитрый, и мы это знаем.

- Только мы. Все думают, что ты уродский дурак, а мы знаем.

- Ты прикидываешься, что дурак, а сам хитрый и всё понимаешь лучше всех.

- Запомни, пожауйста: ты нас тут не видел. Ничего не видел, ничего не знаешь, и вообще ты дурак. Понял?

- Не вздумай сказать, что ты нас видел. Тебе ясно? А то тебе будет очень хреново.
- Ты вообще знаешь, что должно быть у мужчины? Что самое главное должно у него быть?
- Без чего он никакой не мужчина, а просто неизвестно что? Честное слово, ясно? У мужчины должно быть честное слово.
- Ни у кого нет честного слова. Только у одного человека было настоящее честное слово.
- Дай честное слово, что ты никому не скажешь, что нас здесь видел.
- Лисапед кивает торопливо.
- Смотри, чего дам. Видишь бусину? Держи. Она волшебная. С ней всегда можно спастись, если что. Если ты никому не скажешь, что нас видел, бусина тебе поможет.
- А если скажешь, то даже с бусиной пропадёшь.
- Теперь закрой глаза и считай до трёхсот. Только медленно.
- Ты понял, что дал честное слово?
- Слово, - повторяет Лисапед, кивая. – Честное слово...
- И не вздумай за нами идти, пока не получил.

Лисапед закрывает глаза.

51.

Лисапед в участке. Лицо его разбито, руки в наручниках. Перед ним два милиционера. Один за столом сидит, в тетрадку пишет, другой по комнате рассказывает.

- Ты мне давай кончай тут... Это мы видали - мычит, психом прикидывается. Ты давай говори – куда дел девчонок? Свидетели есть – они на берег пошли, а ты за ними, погода. Они одни на берегу были. И следы только их свежие. И велосипеда твоего. Говори, маньяк, что с детьми сделал? Сука, - устало прибавил он.

- А мы его сейчас в восемнадцатую камеру отправим, - рассеянно предложил старший. – Тут он и скажет, как чего. Как миленький. Взмолится. На карачках поползёт.

- Ещё отпирается он... – поддержал младший. - У тебя откуда бусина? Родители признали, ихние это бусы, девчонки на руках носили, шнурок кожаный с бусинами, как браслеты, чтоб...

Старший милиционер, который в тетрадку писал, взял бусину двумя пальцами и стал глядеть сквозь неё на свет.

Чёрная же вроде бусина, а поворачиваешь её, и видишь то янтарное, то зелёное, то голубое. Горы, или море, или луна, или лес... Старший милиционер смотрит сквозь бусину. Ведь вот же пустяковина, а смотришь через неё, и совсем другая история получается... Милиционер хмыкает. Бусина нагревается в его крупных пальцах.

И вдруг старший милиционер почувствовал то, о чём никому никогда не сможет рассказать, потому что не бывает слов для этого, он бы нашёл слова, ведь он же сыщик, он бы постарался, но их нет на свете – как будто давнишняя, затаённая, им самим позабытая мечта или надежда навсегда покинула его, так и не сбывшись, и он хочет успеть благодарно и светло попрощаться с ней, изо всех сил старается успеть попрощаться, пока пронзительная печаль и невыносимая безысходная нежность не разорвали сердце.

- Товарищ капитан, товарищ капитан! – забеспокоился младший. – Вам что, плохо?

- Оставь ты его, Садчиков, - проговорил капитан, сиюсь ослабить галстук. Бусина покатила по полу. - Не видишь, больной... Оставь... Не нашего ума это дело...

52.

Лисапед возвращается в свою избушку, где всего одна комната с печкой и советские киноартисты на стенах. Кошки мурчат и толкутся у него под ногами. Лисапед тыркается по избушке, не зная, что делать сперва – кормить кошек, топить печку, греть железный электрический чайник, и вдруг прислоняется лбом к стене, гладит старые брёвна, как живых, бормочет своё и хлюпает носом, вытирает ладонью слёзы.

Напившись чаю, Лисапед ложится спать. Избушка еще не протопилась как следует. Кошки склубочиваются рядом, греясь и грея человека. Лисапед укрывается тулупом и зябко натягивает его на плечи. Закрывает глаза и видит...

БЕЛЫЙ БЕРЕГ
ДВЕ ДЕВОЧКИ В ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЕ
ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ
УХОДЯТ ВГЛУБЬ
ПО СВИНЦОВОЙ ШТОРМЯЩЕЙ ВОДЕ

53.

Тихим солнечным днём... В конце августа. Со стороны шоссе в посёлок Кораблёво приходит парень, вроде туриста, и идёт по улицам. За спиной у него рюкзак, в руке – узел, что-то замотанное в тёмную ткань.

- Это посёлок Кораблёво? А где улица Песочная? Ага, спасибо...

И дальше по песчаной дороге. Останавливается у забора, зовёт.

- Это какой дом ? Где дом пять по улице Песочной?

Тётка выходит на крыльцо, вкусно ест яблоко.

- Я говорю, где дом пять по улице Песочной? Там живёт Амаранта Серова?

- Хватил! Амаранта! В мореходном училище она. Учится на капитана дальнего плавания. Всем нос утёрла. Про неё даже заметка была в журнале «Меридиан». Читал?

- Нет... А Аня?

- Какая Аня?

- Не знаю. Которая дружила с Амарантой.

- А ты чей? Что-то я тебя не помню.

- Я в Пречистое иду. Проездом из Архангельской области. Монастырь восстанавливал, по подряду. Там у нас был одни... просил передать привет...

- Привет, это что же... Это можно...

- А Аня? Была ещё девочка... Летом жила по соседству, дачница, дружила с Амарантой. Он так и сказал – Аня и Амаранта. Две.

- Аня? Это не Леонтьевых? Если Леонтьевых, то знаю... Заграницей она. На скрипке больно хорошо играет.

Парень пожимает плечами огорчённо.

- Жалко... Он просил очень. Проводить меня вышел и всё говорил: «Только не обмани». Не послушник даже, а так... Кирпичи таскал на колокольню. Молчал всегда. Никто и голоса его не слышал. И вдруг со мной заговорил, когда узнал, что я в эти края ...

Тётка тоже сочувственно пожимает плечами. Чего, мол, только не бывает на свете.

- Куда же мне её теперь ? – растерянно спрашивает пареньь.

- Кого ?

- Да вот...

Парень ставит на стол круглое и закутанное в тёмное.

Разматывает тёмную материю. Показывается клетка, в клетке – птица. Молчание. Тётка смотрит на птицу, оторопев.

- Так ведь синяя она...

- Ну да, в общем-то. Может, выпустить?

- Ты что говоришь-то? Куда её, такую? Люди обидят.

- Себе оставить?

- А как же? Ей одной нельзя.

- Тоже верно. Себе возьму, значит. А там поглядим... На монастырь напишу – так мол и так. А то беспокоился он. Говорил, что давно птицу эту обещал... Так я пойду?

- С Богом. Яблок возьми в дорогу, погрызёшь.

- Хорошо бы дойти до Пречистого раньше дождя...

